Опытъ классификаціи выразительныхъ движеній по ихъ генезу.

(Докладъ, читанный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ въ засѣданіи 1-го ноября 1897 года).

I.

Всѣ отправленія нашей психической жизни, протекая въ глубокихъ тайникахъ нашего „я", становятся доступными для окружающихъ ровно настолько, насколько они проявляются въ движеніяхъ, ведущихъ къ измѣненіямъ на периферіи мыслящаго и чувствующаго организма или во внѣшнемъ мірѣ.

Движенія высшихъ животныхъ и человѣка разнообразны какъ по характеру, такъ и по ихъ назначенію: одни изъ нихъ, свойственныя также и существамъ съ низшей организаціей, до протистовъ включительно, имѣютъ прямымъ своимъ назначеніемъ поддержаніе жизни особи или вида. Они выразительны, конечно, въ томъ смыслѣ, что изъ наличности ихъ можно заключать о существованіи у особи тѣхъ или другихъ нуждъ. Но выразительность не составляетъ главнаго назначенія этихъ движеній. Это, такъ сказать, служебныя движенія; въ виду того что они возникли у существъ, еще лишенныхъ хотя сколько-нибудь выраженной душевной жизни и живущихъ чисто-растительною жизнью, къ нимъ можно примѣнить названіе движеній растительной жизни. Названіе выразительныхъ останется тогда за тѣми движеніями, которыя, развившись значительно позже растительныхъ движеній, служатъ главнымъ образомъ для проэцированія наружу содержанія душевной жизни. Въ движеніяхъ выражаются и чувственныя состоянія, и работа интеллекта, соотвѣтственно

чему всѣ выразительныя движенія могутъ быть раздѣлены на выразительныя для чувствованій и выразительныя для интеллектуальной стороны душевной дѣятельности, или короче — выразительныя для интеллекта. Разъ у человѣка, равно какъ и у высшихъ животныхъ, возникаетъ какое - нибудь чувствованіе, оно неизбѣжно проэцируется наружу въ цѣломъ рядѣ движеній, одинаковыхъ для одного и того же чувствованія и настолько для него характерныхъ, что по наличности данныхъ движеній мы безошибочно констатируемъ существованіе у особи соотвѣтствующихъ чувствованій. Выразительныя для чувствованій движенія возникаютъ совсѣмъ независимо отъ того, хотимъ мы этого или нѣтъ; мало того, въ большинствѣ случаевъ они не могутъ быть ни вполнѣ подавлены, ни даже задержаны по желанію субъекта; разъ чувствованіе существуетъ, оно роковымъ образомъ проявляется въ извѣстныхъ свойственныхъ ему движеніяхъ. Проэцированіе же наружу интеллектуальной дѣятельности не носитъ характера неизбѣжности, оно совершается съ меньшею стремительностью, и безъ вѣдома и разрѣшенія воли интеллектуальная работа или совсѣмъ не выражается въ движеніяхъ, или выражается такъ слабо, что движенія этого рода не всегда могутъ быть подмѣчены безъ особыхъ для того приспособленій*).

Правда, многія выразительныя для интеллекта движенія такъ хорошо заучены, отлились въ опредѣленныя, разъ навсегда сложившіяся формы и производятся нами съ такою легкостью, что даютъ впечатлѣніе какъ бы совершающихся внѣ участія воли; но на самомъ дѣлѣ и заученныя движенія требуютъ для своего возникновенія хотя и минимальнаго, но несомнѣннаго участія воли; рѣзкимъ отличіемъ такихъ заученныхъ движеній отъ непроизвольныхъ движеній, въ которыхъ выражаются чувствованія, служитъ не только полная возможность воспроизведенія ихъ по

*) Это — такъ называемыя «психомоторныя движенія». Какъ на примѣры приспособленій, помощью которыхъ они могутъ быть обнаружены, можно указать на опыты проф. Спиро съ «автоматическимъ письмомъ», на опыты съ подвѣшеннымъ шарикомъ, приходящимъ въ колебательныя движенія въ томъ или другомъ направленіи подъ вліяніемъ фиксированнаго представленія о соотвѣтствующихъ движеніяхъ пальцевъ, между которыми зажата поддерживающая шарикъ нитка и т. д. Пр. Тархановъ устроилъ даже небольшой приборъ, помощью котораго можно сравнивать силу и стремительность психомоторныхъ движеній, не одинаковыхъ у различныхъ индивидуумовъ.

нашему собственному желанію, но также и возможность легкаго подавленія и задержки ихъ даже и въ то время, когда движеніе уже на половину совершилось. Произвольность или непроизвольность возникновенія является такимъ образомъ кардинальнымъ признакомъ, позволяющимъ безошибочно опредѣлять, относится ли данное движеніе къ выразительнымъ для чувствованія или къ выразительнымъ для интеллекта.

Установленіе такого отличительнаго признака имѣетъ чрезвычайно важное практическое значеніе; безъ него всегда возможна путаница, и движенія, выразительныя для интеллекта, могутъ трактоваться за выразительныя для чувствованій, или обратно. Даже Дарвинъ не свободенъ отъ подобнаго рода ошибокъ; въ своей книгѣ «О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ», говоря о выразительныхъ для чувствованій движеніяхъ, онъ говоритъ, между прочимъ, и о движеніяхъ утвержденія и отрицанія, о знакахъ привѣта, ласки, молитвенныхъ жестахъ и т. д. *).

Не трудно доказать, что утвержденіе и отрицаніе — акты интеллектуальной, а не чувственной сферы душевной дѣятельности, и что, слѣдовательно, движенія, въ которыхъ выражаются эти акты, не могутъ быть отнесены къ выразительнымъ для чувствованій. Утвержденіе или отрицаніе сопровождается, конечно, тѣми или другими чувственными состояніями, находящими свое внѣшнее, выраженіе; но чувствованія эти будутъ всякій разъ различны я для одного и того же субъекта въ зависимости отъ содержаніи самого предмета утвержденія или отрицанія, слѣдовательно и внѣшнее ихъ выраженіе должно быть также различно въ разныхъ случаяхъ. Между тѣмъ „да“ или „нѣтъ“ выражается всегда одними и тѣми же жестами, и это одно указываетъ уже на то, что движенія утвержденія или отрицанія вовсе не являются выразителями чувствованій. Ошибка въ этомъ направленіи всегда возможна, и именно благодаря тому, что интеллектуальные процессы протекаютъ одновременно съ чувственными состояніями, видоизмѣняя и обусловливая другъ друга; и тѣ, и другіе находятъ свое выраженіе въ одновременныхъ движеніяхъ, такъ что для опредѣленія, какія въ каждомъ конкретномъ случаѣ движе-

*) Здѣсь слѣдуетъ оговориться, что въ подлинномъ заглавіи книги Дарвина поставлены слова «expression of emotions», т.-е. выраженіе *эмоцій*, тогда какъ русскій переводчикъ передаетъ заглавіе словами „О выраженіи *ощущеній*“, что можетъ подать поводъ къ крупному недоразумѣнію.

нія соотвѣтствуютъ чувствованіямъ, какія — интеллектуальнымъ процессамъ, требуется очень тщательный анализъ. Исходнымъ пунктомъ для анализа можетъ служить слѣдующее соображеніе: движенія выразительныя для чувствованій должны увеличиваться или уменьшаться какъ въ числѣ, такъ и въ ширинѣ размаха параллельно съ наростаніемъ и ослабленіемъ вызвавшаго ихъ чувствованія; тѣ же движенія, которыя остаются безъ измѣненій при различной силѣ эмоцій, или же при перемѣнахъ ихъ характера, но при однородной работѣ интеллекта, являются выразительными для этой послѣдней, а не для эмоцій. Говоря, напримѣръ, о чемъ-нибудь, въ большей или меньшей степени волнующемъ насъ, мы производимъ цѣлый рядъ сложныхъ движеній. Но если въ другой разъ тотъ же самый предметъ рѣчи почему-либо перестаетъ волновать насъ, то даже и при передачѣ въ тождественныхъ фразахъ мы проявимъ гораздо меньшее число побочныхъ движеній. Очевидно, что исчезнувшія или ослабленныя во второмъ случаѣ движенія могутъ быть поставлены въ прямую зависимость отъ эмоцій. Блескъ глазъ, краснота лица (сосудистыя движенія), значительныя модуляціи въ голосѣ и нѣкоторыя другія движенія оратора являются выразителями его эмотивнаго состоянія, тогда какъ самая рѣчь и нѣкоторые изъ дополняющихъ ее жестовъ — выразители интеллектуальной стороны его душевной дѣятельности. Правда, и при самомъ безстрастномъ отношеніи къ объекту рѣчи сохраняется часть жестовъ, равно какъ и тональность рѣчи, но это зависитъ какъ отъ того, что нѣтъ интеллектуальныхъ процессовъ, вполнѣ свободныхъ отъ эмотивной окраски, такъ и отъ того, что значительная часть жестовъ является выразительной для интеллектуальной, а не эмотивной стороны психической дѣятельности: очень часто жестъ прямо замѣняетъ слово и сознательно употребляется вмѣсто него. Опытный ораторъ, даже и чуждый волненія, прибѣгаетъ къ измѣненіямъ въ окраскѣ рѣчи, къ жестикуляціи; благодаря упражненію, это ему дается легко; но въ такомъ случаѣ его голосъ возвышается и слегка вибрируетъ, движенія его рукъ послушно складываются въ красивые жесты только въ силу его желанія симулировать недостающее чувство. Источникомъ движеній является, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ не чувство, а представленіе о необходимости воспроизведенія тѣхъ или другихъ движеній для достиженія сознательно поставленной цѣли, т.-е. бо́льшей

убѣдительности рѣчи. Здѣсь въ произведеніи выразительныхъ движеній замѣшана воля, руководящаяся опредѣленными представленіями, и всякій разъ, когда источникомъ движенія, его primum movens являются не эмоціи, а воля, движеніе не можетъ уже считаться выразительнымъ для чувствованій. Поводомъ къ недоразумѣніямъ можетъ служить одно только обстоятельство, а именно: въ то время, какъ источникомъ движеній является представленіе объ эмоціяхъ и сопровождающихъ ихъ движеніяхъ,— при недостаточно точномъ анализѣ принимаются за источникъ движеній сами эмоціи какъ таковыя. Въ подобнаго рода ошибку впадаетъ, какъ это говорилось уже выше, и Дарвинъ. Кромѣ упомянутыхъ выше движеній утвержденія и отрицанія, остановимъ вниманіе, для бо̀льшаго поясненія своей мысли, на позахъ и тѣлодвиженіяхъ, сопровождающихъ молитву. Дарвинъ относитъ ихъ къ выразительнымъ для ощущеній, считая, повидимому, что въ этихъ движеніяхъ выражается молитвенное настроеніе. Но вѣдь и фарисей привычными движеніями можетъ воспроизводитъ всѣ признаки внѣшняго благочестія въ то время, какъ мысль его «по землѣ мятется». Конечно, его движенія вытекаютъ не изъ молитвеннаго настроенія, котораго у него въ данный моментъ и нѣтъ, а изъ представленій о томъ, что̀ необходимо для соблюденія внѣшнихъ формъ благочестія. Вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ цѣлый рядъ другихъ непроизвольныхъ движеній, въ которыхъ проявляется истинное молитвенное настроеніе, и эти движенія появляются только тогда, когда данное настроеніе существуетъ на самомъ дѣлѣ: возведеніе же очей кверху, поднятіе вверхъ ладоней или умоляющее сложеніе ихъ одна къ другой — употребляются нами по произволу и въ то же время являются символами нашего единенія съ небомъ, а символизація — чисто интеллектуальный процессъ. Молитвенное настроеніе, чувство общенія съ божествомъ, чувство умиленія и восторга или покаянія въ своей грѣховности и т. д.— болѣе или менѣе однородны у лицъ различныхъ вѣроисповѣданій и кастъ, тогда какъ между молитвенными жестами шамана, бонзы и католическаго монаха, напримѣръ, существуетъ очень значительная разница. Это послѣднее обстоятельство становится вполнѣ понятнымъ, разъ мы примемъ, что источникомъ движенія является здѣсь не настроеніе, которое болѣе или менѣе однородно, а интеллектуальный процессъ, иду-

щій различными путями у лицъ различнаго образованія, воспитанія, различнаго склада ума.

Равнымъ образомъ и движенія ласки, поцѣлуи, т.-е. тѣлесное сближеніе, какъ символъ духовной близости, знаки привѣта и прощанія и другія подобныя имъ движенія, относимыя Дарвиномъ къ выразительнымъ для чувствованій, воспроизводятся нами по произволу и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ движенія символизирующія, служатъ для выраженія интеллектуальной, а не чувственной стороны душевной дѣятельности. Словомъ, можно принять какъ общее положеніе, что *всѣ* движенія, для возникновенія которыхъ требуется волевой импульсъ, выразительны для интеллекта, а не для эмоцій.

Принимая это положеніе, надо имѣть въ виду, что для выраженія интеллектуальной стороны психической жизни характерно возникновеніе движеній подъ импульсомъ воли, а не выполненіе ихъ чрезъ органы произвольнаго движенія. Чрезъ эти послѣдніе выполняются очень многія и изъ выразительныхъ для чувствованій движеній, но воля не играетъ въ возникновеніи ихъ ни малѣйшей роли. Непроизвольныя, но совершающіяся чрезъ органы произвольнаго движенія выраженія чувствованій могутъ быть, конечно, копируемы по произволу; въ этомъ случаѣ импульсомъ къ возникновенію движеній будутъ служить уже не эмоціи, а тѣ представленія, тѣ мысли, которыя побуждаютъ субъекта производить такія копирующія движенія. Одно и то же движеніе можетъ, слѣдовательно, въ извѣстныхъ случаяхъ быть выразительнымъ и для чувствованій, и для интеллектуальной дѣятельности, въ зависимости отъ того, возникаетъ ли оно внѣ воли особи роковымъ образомъ вслѣдъ за эмоціей или совершается по приказанію воли.

II.

Выразительность физіономіи интересовала человѣчество съ очень давняго времени. Но старые авторы отъ Гиппократа и Аристотеля и до Лафатера и Галля, съ его школою включительно, занимались главнымъ образомъ вопросомъ о выразительности устойчивыхъ чертъ физіономіи и изучали соотношеніе между тѣми или другими особенностями строенія отдѣльныхъ органовъ и преобладающими чертами нравственнаго и интеллектуальнаго облика человѣка. Только новѣйшіе авторы обратили большее вниманіе

на подвижныя измѣнчивыя черты и стали изучать по преимуществу соотношеніе между движеніями субъекта и наличнымъ состояніемъ его душевнаго міра *).

Дарвинъ, а также и большинство другихъ авторовъ особенно охотно опредѣляетъ объемъ своихъ работъ, какъ обзоръ мимическихъ движеній. Но у разныхъ авторовъ понимается подъ этимъ терминомъ весьма различное содержаніе. Дарвинъ, не давая точнаго опредѣленія, что именно понимаетъ онъ подъ терминомъ «мимика», склоненъ, повидимому, считать мимическими всѣ тѣ движенія, въ которыхъ выражаются чувствованія. Прямо, правда, этого онъ нигдѣ не говоритъ, но это чувствуется во всей его книгѣ, гдѣ термины «мимика» и «мимическія движенія» чередуются съ терминами «выраженіе ощущеній» и «движенія, въ которыхъ выражаются ощущенія», причемъ употребленіе тѣхъ или другихъ терминовъ опредѣляется, повидимому, исключительно требованіями стилистики.

Въ общежитіи часто говорятъ о мимикѣ актеровъ, о мимической рѣчи глухонѣмыхъ, такъ что въ общежитейскомъ употребленіи подъ терминомъ «мимика» понимаются всѣ выразительныя движенія, кромѣ рѣчи. Къ такому же пониманію термина приближается и Мантегацца, который мимическимъ движеніямъ противопоставляетъ рѣчь и на стр. 73-й рус. пер. упомянутаго сочиненія говоритъ: «языкъ выразительнѣе мимики, но не есть мимика». Такимъ образомъ, въ общежитіи, равно какъ и въ пониманіи нѣкоторыхъ авторовъ мимика есть нѣчто большее, чѣмъ выразительныя для чувствованій движенія и нѣчто меньшее, чѣмъ выразительныя движенія вообще.

Мнѣ лично не удалось уловить тотъ неясный, существующій у каждаго изъ насъ критерій, въ силу котораго мы одни движенія называемъ мимическими, другія — нѣтъ. Кромѣ того, изъ разговоровъ со многими весьма интеллигентными и вдумчивыми людьми мнѣ пришлось убѣдиться, что одно и то же движеніе

---

*) *H. Spencer; Ch. Bell.* (Anatomy and phylosophy of expressions. 1806); *Ch. Darwin; Graciolet* (De la physionomie et des mouvements d'expressions) *Duchaine* (Mécanisme de la physionomie humaine ou analyse électro-physiologique de l'expressions des passions); *Мантегацца* (Физіономія и выраженіе чувствъ. Рус. пер. 1886) и т. д. Въ послѣдней книгѣ собрана обширная литература по вопросу о выразительности человѣческой физіономіи отъ древнѣйшихъ временъ по годъ изданія книги.

одни соглашаются назвать мимическимъ, другіе—нѣтъ. Словомъ, терминъ «мимика» оказывается настолько сбивчивымъ и неопредѣленнымъ, что я предпочитаю совершенно отказаться отъ его употребленія и въ дальнѣйшемъ изложеніи буду держаться исключительно термина «выразительныя движенія» — для всѣхъ ихъ видовъ; противопоставляя же рѣчи, крикамъ — движенія другихъ органовъ тѣла (беззвучныя движенія), для означенія этихъ послѣднихъ я буду употреблять болѣе опредѣленные термины—«тѣлодвиженія» (движенія корпуса головы) и «жесты» (движенія конечностей и лицевой мускулатуры).

Движеніе возникаетъ въ самую раннюю эпоху организованной жизни, и вмѣстѣ съ явленіями роста и размноженія оно считается специфическою особенностью организованныхъ существъ. Зачаточныя движенія на низшихъ ступеняхъ жизни основаны всецѣло на физическихъ и химическихъ законахъ и ими одними управляются.

Въ положительномъ химіотаксѣ надо видѣть ближайшую причину движеній нападенія, въ отрицательномъ — движеній обороны. Съ постепенной дифференцировкой организмовъ движенія, первоначально разлитыя по всему тѣлу особи, начинаютъ совершаться съ помощью спеціально для того назначенныхъ органовъ. Съ развитіемъ обособленныхъ системъ и органовъ движенія перестаютъ непосредственно подчиняться физико-химическимъ законамъ; на сцену выступаютъ новые, высшіе, хотя и обусловленные первыми физіологическіе законы.

Мы слишкомъ удалились бы отъ своей основной задачи, еслибы вошли въ разсмотрѣніе крайне интересныхъ вопросовъ о томъ, какъ химіотактическія движенія всей особи въ сторону питательнаго матеріала переходятъ въ приближеніе къ пищѣ отдѣльныхъ частей особи, какъ эти послѣднія, одновременно служащія и для передвиженія особи и для захватыванія пищи, дифференцируются въ расчлененные локомоторные и захватывающіе пищу спеціальные органы и т. д. Отмѣтивъ только, что въ безконечной цѣпи нынѣ существующихъ и уже вымершихъ родовъ можно прослѣдить всѣ градаціи перехода отъ простыхъ физико-химическихъ движеній къ сложнымъ, мѣняющимся по указанію интеллекта, движеніямъ современнаго человѣка, мы прямо перейдемъ къ разсмотрѣнію движеній у существъ съ высшей организаціей.

У высшихъ животныхъ и у человѣка всякое внѣшнее или внутреннее раздраженіе производитъ рядъ физическихъ и химическихъ измѣненій въ состояніи организма. Часть этихъ измѣненій вызываетъ чрезъ посредство нервной системы тѣ или другія движенія, часть же даетъ поводъ къ проявленію совершенно особой своеобразной функціи центральной нервной системы, т.-е. къ возникновенію познаваемыхъ особью чувствованій и процессовъ идеаціи.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время болѣе чѣмъ трудно уловить моментъ возникновенія душевной жизни, а тѣмъ болѣе — его причины. Несомнѣнно только одно: всѣ психическія отправленія современнаго человѣка стоятъ въ тѣсной связи съ физическими и химическими измѣненіями, происходящими въ его центральной нервной системѣ, и внѣшнія воздѣйствія ведутъ одновременно какъ къ движеніямъ, такъ и къ тѣмъ перемѣнамъ въ центральной нервной системѣ, наличность которыхъ познается особью въ видѣ ея личныхъ чувствованій, хотѣній и мыслей. Вслѣдствіе этого между движеніями и явленіями душевной жизни возникаетъ тѣсная связь, обусловленная одновременностью и зависимостью тѣхъ и другихъ отъ одной общей причины.

Развитіе—на высшихъ ступеняхъ организованной жизни—воли чрезвычайно осложняетъ вопросъ; воля вмѣшивается во многія движенія; акты питанія, обороны, размноженія и т. д., непроизвольные у болѣе низкихъ по развитію организмовъ, у высшихъ оказываются въ значительной мѣрѣ подчиненными волѣ: они могутъ быть допущены или отсрочены волею на болѣе или менѣе долгое время, если не окончательно; наконецъ, возникаетъ рядъ новыхъ, вполнѣ произвольныхъ движеній, единственнымъ императивомъ которыхъ является руководящаяся тѣми или другими представленіями воля.

Если изъ всѣхъ произвольныхъ движеній человѣка мы исключимъ движенія, производимыя ради механическаго воздѣйствія на внѣшній міръ, ради приспособленія матеріи къ своимъ цѣлямъ и нуждамъ, у насъ останутся движенія, назначенныя для сношеній съ себѣ подобными, т.-е. для приспособленія къ своимъ цѣлямъ и нуждамъ духовной жизни окружающихъ. Эти послѣднія движенія вмѣстѣ съ непроизвольными, въ которыхъ проэцируется наружу міръ нашихъ чувствованій, обнимаютъ собою всю сумму выразительныхъ движеній.

Выразительныя для чувствованій движенія были, какъ объ этомъ уже упомянуто выше, предметомъ особаго вниманія авторовъ. Трудами цѣлаго ряда изслѣдователей изученъ съ достаточною полнотой вопросъ о томъ, какими движеніями сопровождаются тѣ или другія чувствованія; но вопросъ, почему и какъ сложилась связь между чувствованіями и соотвѣтствующими имъ движеніями, разработанъ далеко не въ той мѣрѣ, какъ это было бы желательно. Больше другихъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи Дарвинъ, и ему мы обязаны началомъ генетическаго изученія выразительныхъ для чувствованій движеній.

По мнѣнію Дарвина, выразительныя для чувствованій движенія сложились въ ихъ современную форму подъ вліяніемъ трехъ непрерывно дѣйствующихъ законовъ, или по терминологіи автора—трехъ началъ:

1. начала сохраненія полезныхъ движеній,
2. начала антитезы,
3. начала прямого вліянія нервной системы.

Законъ сохраненія полезныхъ движеній представляетъ не болѣе, какъ частный случай проявленія общаго закона эволюціи организованной жизни. Изъ всѣхъ безпорядочныхъ движеній, являющихся результатомъ распространенія волны центральнаго возбужденія по всевозможнымъ центробѣжнымъ путямъ, прежде всего, по мнѣнію Дарвина, сохранились и укрѣпились за организмомъ путемъ наслѣдственной передачи тѣ движенія, которыя при извѣстныхъ состояніяхъ особи оказывались почему-либо полезными для нея, а потому и обезпечивающими ей болѣе продолжительное существованіе и возможность оставить по себѣ болѣе счастливо организованное потомство.

Пріобрѣтенныя индивидуумомъ физіологическія особенности фиксировались въ рядѣ поколѣній такъ прочно, что одни и тѣ же движенія продолжаютъ совершаться съ неукоснительною точностью даже и въ томъ случаѣ, когда съ измѣнившимися условіями жизни они перестали быть полезными для особи.

Второй законъ, или начало антитезы, Дарвинъ объясняетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Извѣстныя душевныя настроенія ведутъ къ извѣстнымъ привычнымъ движеніямъ, которыя могутъ быть также полезны и поэтому подходятъ подъ первую категорію. При появленіи же совершенно противоположнаго настроенія существуетъ и непроизвольное стремленіе къ выпол-

ненію движеній совершенно противоположнаго свойства, хотя бы они и были совершенно безполезны, и вотъ подобныя-то движенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть крайне выразительны» (Ук. соч. рус. пер. стр. 24).

Совершая движенія, противоположныя обычнымъ для какого-нибудь изъ чувственныхъ состояній, можно, конечно, внушить окружающимъ представленіе объ эмоціи противоположнаго характера, и Дарвинъ былъ бы правъ, еслибы онъ говорилъ о произвольныхъ движеніяхъ. Знаменитый авторъ отводитъ волѣ слишкомъ широкую роль въ исторіи развитія выразительныхъ для чувствованій движеній. Въ этомъ случаѣ онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Эволюцію анатомическихъ формъ онъ объясняетъ вполнѣ удовлетворительно давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и естественнымъ подборомъ, тогда какъ для объясненія физіологическихъ особенностей организмовъ онъ принимаетъ участіе воли и осмысленнаго желанія индивидуумовъ, что весьма сомнительно уже потому одному, что большинство выразительныхъ для чувствованій движеній возникло гораздо раньше, чѣмъ состояніе интеллектуальной сферы позволяло особи хоть сколько-нибудь осмысливать значеніе производимыхъ ею двигательныхъ актовъ. Доказывать же «непроизвольное стремленіе къ производству движеній, антагонистичныхъ тѣмъ, какія имѣли бы мѣсто при эмоціи противоположнаго характера, чѣмъ имѣющаяся въ наличности эмоція», было бы болѣе чѣмъ трудно, и въ данныхъ анатоміи и физіологіи можно найти многое, говорящее скорѣе противъ начала антитезы, чѣмъ за него.

Функціи цѣлыхъ мышцъ и ихъ отдѣльныхъ пучковъ изучены очень хорошо, благодаря главнымъ образомъ предложенному Дюшеномъ методу электро-физіологическаго изслѣдованія, давшему возможность съ большою точностью опредѣлять, какія мышцы сокращаются при томъ или другомъ видимомъ движеніи.

Возьмемъ одинъ изъ болѣе простыхъ и болѣе общихъ случаевъ, подходящихъ, повидимому, подъ начало антитезы: большая часть пріятныхъ чувствованій, въ особенности же состоянія физическаго и интеллектуальнаго благосостоянія и довольства, сопровождается сокращеніемъ мышцъ, оттягивающихъ углы рта кнаружи, отчего ротъ и вся нижняя часть лица растягиваются въ ширину. Это явленіе настолько характерно, что нашло свое выраженіе въ разговорномъ языкѣ, и мы часто говоримъ о «широ-

кой улыбкѣ», о «расплывшемся отъ блаженства лицѣ» и т. д. Въ то же время «вытянутое лицо» для насъ синонимъ лица недовольнаго. Повидимому мы здѣсь имѣемъ случай настоящихъ антагонистическихъ движеній при антагонистическихъ состояніяхъ духа; однако при болѣе детальномъ анализѣ мы увидимъ нѣчто иное. Въ то время какъ при довольствѣ ротъ растянутъ въ ширину, при недовольствѣ онъ не съуженъ, какъ этого слѣдовало бы ожидать при настоящемъ физіологическомъ, а не кажущемся антагонизмѣ, но только концы поперечной щели рта нѣсколько опущены книзу. Въ расширеніи отверстія рта принимаетъ участіе цѣлый рядъ мышечныхъ пучковъ, причемъ механизмъ ихъ дѣйствія таковъ: ни одинъ изъ пучковъ не оттягиваетъ угловъ рта прямо кнаружи, а одни тянутъ кнаружи и кверху, другіе кнаружи и книзу; при одновременномъ ихъ дѣйствіи влеченіе кверху и книзу взаимно уравновѣшивается и въ результатѣ — углы рта оттягиваются почти прямо кнаружи. Общимъ антагонистомъ всѣхъ этихъ мышечныхъ пучковъ является круговая мышца отверстія рта (m. orbicularis oris), при сокращеніи которой губы стремятся принять форму болѣе или менѣе совершеннаго круга. Эта мышца при состояніяхъ недовольства оказывается въ разслабленномъ состояніи, какъ и при довольствѣ, но углы рта при недовольствѣ опущены слегка книзу, что происходитъ вслѣдствіе изолированнаго сокращенія мышечныхъ пучковъ, тянущихъ углы рта книзу и кнаружи.

Такимъ образомъ оказывается, что и при состояніяхъ довольства и при обратныхъ состояніяхъ функціонируютъ не только не антогонисты, но частью даже одни и тѣ же мышечные пучки (пучки, тянущіе углы рта кнаружи и книзу).

Да и внѣшній антагонизмъ при этихъ двухъ совершенно противоположныхъ состояніяхъ духа далеко не такъ полонъ, какъ это можетъ казаться съ перваго раза. При состояніяхъ довольства нижняя часть лица дѣйствительно шире, чѣмъ при безразличномъ состояніи, но при недовольствѣ — она вовсе не уже обычнаго, причемъ все лицо не вытянуто также и въ длину; впечатлѣніе удлиненія здѣсь кажущееся, и обусловлено оно какъ контрастомъ съ шириною лица при состояніяхъ довольства, такъ и расположеніемъ характерныхъ, косвенно идущихъ сверху и снутри книзу и кнаружи бороздокъ и углубленій между складками кожи лица. Эти бороздки, появляясь при состояніяхъ недовольства, при об-

ратномъ состояніи не замѣняются другими бороздками, идущими въ діагональномъ къ первымъ направленіи, а только изглаживаются.

Не трудно помощью тщательнаго анатомо-физіологическаго анализа доказать, что и большинство другихъ приписываемыхъ началу антитезы выразительныхъ движеній не представляетъ явленій истиннаго физіологическаго антагонизма, да и противоположность внѣшняго вида особи при противоположныхъ настроеніяхъ весьма проблематична. Довѣріе къ началу антитезы въ значительной мѣрѣ подрывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что далеко не рѣдко противоположныя состоянія духа при крайней степени ихъ напряженія выражаются не только не въ противоположныхъ, а прямо въ одинаковыхъ движеніяхъ, или по крайней мѣрѣ—въ одинаковомъ внѣшнемъ видѣ особи. Мантегацца въ своей книгѣ «О физіономіи и выраженіи чувствъ» на 94-й и 95-й страницахъ (русскаго перевода) собралъ подъ именемъ «синомимій» цѣлую таблицу указаній на различныя чувствованія, выражающіяся въ одинаковомъ внѣшнемъ видѣ. Такъ, напримѣръ, одинаково выражаются крайнія степени удовольствія и страданія; движенія при щекотаніи (крайне непріятное ощущеніе) походятъ на движенія при крайне веселомъ настроеніи (смѣхъ); равнымъ образомъ сардоническая улыбка у повѣшенныхъ едва ли имѣетъ что-либо общаго съ презрительно насмѣшливымъ отношеніемъ къ окружающему и т. д. Словомъ, начало антитезы до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ о непроизвольныхъ выразительныхъ движеніяхъ, не можетъ считаться достаточно обоснованнымъ и доказаннымъ.

Третье начало или законъ прямого вліянія нервной системы формулируется Дарвиномъ такъ: «При сильномъ возбужденіи чувствительныхъ центровъ развивается въ избыткѣ нервная сила, или передается въ извѣстныхъ опредѣленныхъ направленіяхъ, зависящихъ отъ связи нервныхъ клѣточокъ между собою и отчасти отъ привычки, или можетъ быть прерываема» (op. cit. стр. 25 рус. пер.). Формула эта не отличается большой ясностью. Только третья глава книги Дарвина, посвященная началу прямого вліянія нервной системы, даетъ возможность понять, что собственно хотѣлъ сказать авторъ. По его мнѣнію, при сильномъ возбужденіи (и только при немъ одномъ) значеніе законовъ пользы и антитезы подавляется прямымъ вліяніемъ анатомическаго

строенія нервной системы, т.-е. нервная сила идетъ въ этихъ случаяхъ по тѣмъ путямъ, какіе для нея наиболѣе проходимы въ силу самихъ особенностей въ построеніи связей между отдѣльными клѣточными элементами нервной системы. Но и тутъ Дарвинъ дѣлаетъ цѣлый рядъ оговорокъ, вводитъ элементъ привычки и т. д., словомъ, какъ бы чувствуетъ нѣкоторую неувѣренность и недостаточно отчетливое пониманіе значенія вліянія нервной системы.

Тѣмъ не менѣе совершенно не правъ Мантегацца, утверждая, что третій законъ Дарвина не заслуживаетъ даже названія закона (op. cit. стр. 83 р. п.). Конечно, Мантегацца, какъ физіологъ, усвоилъ себѣ значеніе вліянія строенія нервной системы до такой степени, что формулированіе его въ особый законъ кажется ему излишней банальностью, простымъ повтореніемъ вещей давно извѣстныхъ. Но если, устанавливая свой законъ, Дарвинъ и не берется объяснить, какъ и почему сложились анатомическія связи и функціональныя особенности нервной системы, то это не значитъ еще, что самый законъ теряетъ въ своей силѣ и значеніи. Совершенно наоборотъ—при современномъ уровнѣ знаній, при широкомъ развитіи ученія о локализаціяхъ въ головномъ мозгу, о зависимости тѣхъ или другихъ функцій нервной системы отъ возбужденія опредѣленныхъ ея участковъ, — значеніе мѣста, въ которомъ протекаетъ возбужденіе, и направленія связей этого мѣста съ периферіей организма для насъ теперь стало болѣе очевиднымъ и понятнымъ, чѣмъ когда-либо, такъ что законъ прямого вліянія нервной системы получаетъ въ нашихъ глазахъ первенствующее значеніе. Всѣ остальные факторы являются не болѣе какъ второстепенными; они видоизмѣняютъ, но никакъ не уничтожаютъ вліянія анатомическихъ связей возбужденнаго участка мозга съ периферіей организма.

Можно представить себѣ это дѣло слѣдующимъ образомъ:

Волна нервнаго возбужденія, какъ и всякое другое движеніе, стремится распространиться въ сторону наименьшаго сопротивленія; такъ должно быть неизбѣжно, потому что данный случай представляетъ не болѣе какъ частичное проявленіе общаго закона движенія. Наиболѣе ясное и доступное числовой повѣркѣ проявленіе этого закона можно наблюдать въ явленіяхъ распространенія электрическихъ токовъ по вѣтвящимся проводникамъ.

Тамъ въ каждой вѣтви токъ распространяется въ отношеніи, обратно пропорціональномъ величинѣ ея сопротивленія, при однообразномъ же физическомъ составѣ вѣтвей и при одинаковой ихъ толщинѣ — обратно пропорціонально длинѣ каждой вѣтви. По кратчайшимъ, слѣдовательно, вѣтвямъ пойдетъ главная масса тока, по болѣе длиннымъ—меньшая его часть, а при извѣстной длинѣ вѣтвей—токъ не пойдетъ по нимъ совсѣмъ.

Нѣчто аналогичное должно имѣть мѣсто и при распространеніи волны возбужденія изъ центральной нервной системы на периферію.

Еслибы сопротивляемость нервному току со стороны отдѣльныхъ клѣточекъ и волоконецъ была вездѣ одинакова, волна возбужденія распространялась бы отъ центра на периферію, распредѣляясь по отдѣльнымъ центробѣжнымъ путямъ обратно пропорціонально ихъ длинѣ, и слѣдовательно характеръ выразительныхъ движеній опредѣлялся бы всецѣло мѣстомъ расположенія возбужденныхъ клѣтокъ и длиною связующихъ ихъ съ периферіей проводящихъ путей. Но возбудимость нервныхъ элементовъ далеко не повсюду одинакова, она различна даже и для однихъ и тѣхъ же элементовъ при различныхъ ихъ физіологическихъ состояніяхъ. Большую роль играетъ въ этомъ направленіи упражненіе, измѣняющее возбудимость нервныхъ элементовъ: принято считать, что чѣмъ чаще нервный токъ проходитъ въ извѣстномъ направленіи, тѣмъ болѣе возбудимымъ дѣлается проходимый имъ путь. По крайней мѣрѣ только этимъ однимъ предположеніемъ и можетъ быть объяснена чистота и отчетливость заученныхъ движеній, уменьшеніе по мѣрѣ заучиванія затраты волевой энергіи, требующейся для ихъ воспроизведенія; равнымъ образомъ и процессы припоминанія, а также и многія другія явленія заставляютъ насъ въ гипотезѣ повышенія возбудимости подъ вліяніемъ упражненія видѣть выраженіе дѣйствительнаго положенія вещей.

При частомъ повтореніи однихъ и тѣхъ же движеній при одинаковыхъ условіяхъ создается, наконецъ, наслѣдственно передаваемая чуткость, чрезвычайная возбудимость отдѣльныхъ нервныхъ приводовъ при опредѣленныхъ состояніяхъ особи. Объясняя, почему изъ массы хаотическихъ движеній при извѣстныхъ чувствованіяхъ уцѣлѣли и неизмѣнно повторяются всегда одни и тѣ же, Дарвинъ создалъ свои законы, но въ сущности два

первые закона являются только дополняющими и видоизмѣняющими основной первичный законъ—законъ распространенія волны возбужденія въ сторону наименьшаго сопротивленія, которое опредѣляется не только анатомическими связями, но и функціональными особенностями центральной и периферической нервной системы.

Степень достовѣрности закона антитезы, какъ я уже пытался показать, не велика; законъ же сохраненія полезныхъ для особи движеній долженъ быть принятъ настолько, насколько незыблемы до сихъ поръ основы теоріи эволюціи органическаго міра.

Но законовъ прямого вліянія нервной системы и сохраненія полезныхъ движеній очевидно недостаточно для объясненія происхожденія всѣхъ выразительныхъ для чувствованій движеній; прямое вліяніе нервной системы модифицируется, вѣроятно, и еще другими какими-то законами, которые остаются до сихъ поръ неизвѣстными.

Не имѣя точныхъ и скрупулезныхъ знаній по анатоміи и физіологіи нервной системы, трудно, конечно, разобраться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, трудно подвести его подъ тотъ или другой законъ. Но лучше поставить предъ отдѣльными фактами знакъ вопроса, чѣмъ силиться дать имъ объясненіе во что бы то ни стало и, подобно Мантегаццѣ, быть, по удачному перифразу Mosso*), болѣе дарвинистомъ, чѣмъ самъ Дарвинъ. Такъ, по мнѣнію Мантегаццы, дрожь при страхѣ подходитъ подъ законъ сохраненія полезныхъ движеній: она полезна для животнаго, такъ какъ она согрѣваетъ его и тѣмъ предохраняетъ отъ охлажденія, легко могущаго имѣть мѣсто при рѣзкихъ сосудистыхъ разстройствахъ, которыми сопровождается ощущеніе страха. Остается только пожалѣть вмѣстѣ съ Mosso о непредусмотрительности или разсѣянности природы, позабывшей, что дрожь согрѣетъ животное, но, парализуя движенія, теплымъ отдастъ его на съѣденіе врагу, тогда какъ бѣгство и согрѣло бы, да кстати и спасло его отъ врага!

III.

Мы уже говорили о томъ, что и съ развитіемъ воли и интеллекта часть движеній высшихъ животныхъ и человѣка все-таки

*) *A. Mosso*, О страхѣ.

совершается внѣ контроля воли. Непроизвольныя движенія представляютъ собою явленія обусловленной строеніемъ организма реакціи особи на внѣшнія и внутреннія раздраженія.

Первоначальная чувствительность тканей, лежащая въ основѣ реактивныхъ движеній, играетъ видную роль въ жизни низшихъ организмовъ, и въ свое время реактивныя движенія были единственнымъ способомъ обороны организма отъ вредныхъ для него воздѣйствій. Съ дифференцировкой нервной системы всякое раздраженіе стало вызывать на-ряду съ реактивными защитительными движеніями и существованіе сначала общихъ и смутныхъ, потомъ все болѣе и болѣе ясныхъ и спеціализированныхъ чувствованій.

Постепенно, съ усложеніемъ организаціи, а вмѣстѣ съ нею и условій, необходимыхъ для поддержанія жизни особи, реактивныя движенія перестаютъ быть надежными охранителями, и роль защитника беретъ на себя интеллектъ, ведущій къ приспособленнымъ къ каждому данному случаю цѣлесообразнымъ движеніямъ; реактивныя же движенія, теряя значеніе оборонителей, продолжаютъ, благодаря установившейся анатомо-физіологической связи, сопровождать соотвѣтствующія чувствованія и мало-по-малу начинаютъ пріобрѣтать значеніе внѣшнихъ выразителей эмоцій. Одни изъ нихъ, какъ это съ такимъ совершенствомъ разобрано Дарвиномъ, вполнѣ утратили значеніе оборонителей и стали исключительно выразителями чувствованій, другія несутъ обѣ функціи одновременно, т.-е. и обороняютъ особь, и въ то же время имѣютъ значеніе выразительныхъ для чувствованій движеній.

Выразительныя для чувствованій движенія совершаются стереотипно и съ неукоснительной точностью сопровождаютъ эмотивныя состоянія. Еще Дарвинъ сказалъ, что многія рефлекторныя движенія въ высшей степени выразительны (op. cit. стр. 29 р. п.); но строго отдѣляя выразительныя для чувствованій движенія отъ выразительныхъ для интеллекта, можно, кажется, сказать, что первыя всегда носятъ характеръ автоматическихъ, рефлекторныхъ движеній, хотя, конечно, далеко не всѣ изъ нихъ могутъ быть отнесены къ настоящимъ рефлексамъ спинномозгового типа.

Выразительныя для интеллекта движенія не имѣютъ уже характера неукоснительной правильности рефлекторныхъ движеній, хотя многія изъ нихъ, въ силу частой повторяемости, сложи-

лись въ настолько однообразныя формы, что съ виду они и приближаются къ движеніямъ рефлекторнаго типа, отъ которыхъ, впрочемъ, они всегда могутъ быть отличены какъ необходимостью волевого импульса для ихъ возникновенія, такъ и возможностью veto со стороны воли во всякой стадіи движеній, даже на полупути ихъ совершенія.

Развитіе выразительныхъ для интеллекта движеній имѣло мѣсто въ болѣе позднихъ стадіяхъ эволюціи живыхъ существъ, такъ что въ явленіяхъ жизни высшихъ животныхъ, въ историческихъ памятникахъ прошлой жизни человѣка, въ слѣдахъ переходныхъ движеній, сохраненныхъ человѣкомъ и понынѣ, — мы имѣемъ хорошія обозначительныя вѣхи, намѣчающія съ достаточною ясностью весь ходъ исторіи развитія способовъ проэцированія наружу продуктовъ интеллектуальной работы.

Но здѣсь кончается область явленій, освѣщенныхъ геніемъ Дарвина, и въ дальнѣйшемъ пути намъ приходится идти безъ столь надежнаго путеводителя, вліяніе котораго продолжаетъ, впрочемъ, чувствоваться даже и въ тѣхъ областяхъ, куда самъ великій изслѣдователь природы и философъ и не заходилъ.

Полное развитіе интеллекта выпало на долю человѣка; однако и у высшихъ животныхъ можно отмѣтить существованіе довольно сложныхъ психическихъ отправленій. Наличность у животныхъ различныхъ видовъ чувствованій и памяти чувственныхъ образовъ несомнѣнна уже изъ того одного факта, что животныя часто видятъ сны.

Наблюденія Бюффона, Одюбона и цѣлаго ряда другихъ натуралистовъ, собранныя въ книгѣ Брэма «Жизнь животныхъ», книга Роменса «Объ умѣ животныхъ» и многія другія свидѣтельства компетентныхъ авторовъ утверждаютъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ въ жизни животныхъ приходится иногда наблюдать поступки, уклоняющіеся отъ обычныхъ инстинктивныхъ дѣйствій въ сторону дѣйствій индивидуализированныхъ, направленныхъ на достиженіе сознательно поставленной цѣли, т.-е. что у животныхъ есть извѣстный запасъ представленій и понятій, съ которыми они могутъ производить нѣкоторыя не сложныя операціи. Но животныя мало нуждаются въ проэцированіи наружу продуктовъ работы своего интеллекта, такъ какъ большинство кооперативныхъ дѣйствій, подчасъ изумительно сложныхъ, совершается ими съ такимъ поразительнымъ однообразіемъ

(а иногда при необычныхъ условіяхъ—и нецѣлесообразностью), что не остается мѣста сомнѣніямъ въ ихъ инстинктивности, въ совершеніи ихъ внѣ руководительства интеллекта; большая же часть поступковъ, въ которыхъ животныя обнаруживаютъ цѣлесообразное видоизмѣненіе и приспособленіе своихъ дѣйствій, относится какъ разъ къ тѣмъ случаямъ, когда имъ приходится дѣйствовать въ одиночку и за свой личный страхъ.

Только человѣкъ, принужденный при физической слабости защищаться преимущественно силою своего ума и живущій въ широкомъ общеніи съ себѣ подобными, принужденъ былъ разработать и усовершенствовать способы передачи окружающимъ своихъ мыслей и желаній.

Впрочемъ, первые зачатки выразительныхъ для интеллекта движеній можно найдти и у животныхъ, особенно въ ихъ играхъ.

Игры являются не только потребностью тѣла, но и потребностью духа, быть можетъ, даже преимущественно потребностью духа, такъ какъ веселящіяся животныя никогда не производятъ безпорядочныхъ движеній для того только, чтобы двигаться. Всматриваясь въ игры молодыхъ животныхъ, легко можно замѣтить, что въ нихъ болѣе или менѣе точно копируются выраженія чувствованій, акты нападенія и обороны, поступки содружества и кооперації, — словомъ, все то, что составляетъ выдающуюся часть содержанія сознанія животныхъ, что заполняетъ ихъ душевную жизнь. Трудно сказать, что составляетъ здѣсь главный источникъ наслажденія — самыя движенія, какъ таковыя, или же проэцируемыя въ нихъ представленія о различныхъ чувствованіяхъ и чувственныхъ образахъ. Въ то время какъ одинъ изъ партнеровъ производитъ движенія гнѣва, злобы, нападенія и т. д., другой отвѣчаетъ на нихъ цѣлымъ рядомъ приличествующихъ случаю движеній, причемъ каждый изъ партнеровъ очень хорошо понимаетъ, что дѣйствія сотоварища не являются выраженіями истинной злобы, что они совсѣмъ не опасны, — словомъ, животныя отличаютъ въ такихъ случаяхъ выраженіе истинныхъ чувствованій отъ выраженія представленій о нихъ. Реагируя на поступки своего партнера, молодое животное отвѣчаетъ движеніями, въ которыхъ выражаются опять-таки не истинныя чувствованія, а только представленія о нихъ.

Здѣсь, слѣдовательно, мы видимъ существованіе чисто интеллектуальныхъ процессовъ (возникновеніе представленій) и про-

эцированіе ихъ наружу въ понятной для окружающихъ формѣ. Послѣднее достигается, какъ мы уже видѣли, путемъ воспроизведенія движеній, имѣющихъ мѣсто при наличности тѣхъ душевныхъ состояній, представленіе о которыхъ занимаетъ молодую особь въ данный моментъ. Такія воспроизведенныя движенія рѣзко отличаются отъ послуживш ихъ для нихъ оригиналомъ движеній, сопровождающихъ чувствованія, въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, воспроизведенныя копіи не представляютъ полнаго сколка съ эмотивныхъ движеній,—для этого имъ не достаетъ всѣхъ тѣхъ движеній оригинала, которыя совершаются чрезъ посредство органовъ, неспособныхъ къ произведенію произвольныхъ движеній (напримѣръ — сосудистыхъ и секреторныхъ движеній и т. д.); во-вторыхъ, въ то время какъ эмотивныя движенія обязательно слѣдуютъ за самими эмоціями, независимо отъ желанія или нежеланія субъекта, — копирующія движенія находятся въ полной власти субъекта, который можетъ воспроизводить ихъ во всякое время по своему желанію, какъ можетъ и остановить ихъ, разъ только ему почему либо захочется этого.

Изъ игръ—первыхъ зачатковъ двигательной проэкціи интеллектуальной работы—возникаетъ, по мѣрѣ развитія въ томъ нужды, цѣлый рядъ движеній, все болѣе и болѣе совершенно и точно передающихъ послѣдовательно осложняющуюся работу интеллекта. Постепенно движенія этого рода удаляются отъ своего первоисточника до такой степени, что прослѣдить ихъ происхожденіе становится дѣломъ далеко не легкимъ. Но, какъ бы то ни было, въ основѣ всѣхъ выразительныхъ для интеллекта движеній можно найти копированіе или тѣхъ движеній, въ которыхъ выражаются истинныя чувствованія, или же служебныхъ движеній, обычно связанныхъ съ чувствованіемъ или состояніемъ, о которомъ хотятъ дать понятіе, или же, наконецъ, копированіе помощью движеній внѣшнихъ формъ предметовъ, или какихънибудь отличительныхъ особенностей этихъ предметовъ. Путемъ подобныхъ движеній, которыя могутъ быть названы *копирующими* или *подражательными*, можно проэцировать наружу представленія объ эмоціяхъ, о тѣхъ или другихъ дѣйствіяхъ, а равнымъ образомъ и о конкретныхъ предметахъ, образы которыхъ заполняютъ содержаніе наличной психической жизни индивидуума.

Но этотъ способъ передачи окружающимъ содержанія личной интеллектуальной жизни довольно затруднителенъ: онъ требуетъ

много времени для выполненія и много вниманія для воспріятія выполняемыхъ движеній; кромѣ того, онъ не примѣнимъ для передачи сколько-нибудь сложныхъ понятій, не говоря уже о процессахъ отвлеченнаго мышленія.

Тѣмъ не менѣе простыя подражательныя движенія играли, вѣроятно, въ свое время видную роль и служили, быть можетъ, единственнымъ, а во всякомъ случаѣ главнѣйшимъ способомъ проэцированія наружу работы интеллекта. Да и современный человѣкъ не вполнѣ отказался отъ подражательныхъ движеній: ниже я еще буду имѣть случай говорить о томъ, что многія изъ словъ, употребительныхъ и во вполнѣ развитыхъ языкахъ, представляютъ изъ себя болѣе или менѣе измѣненныя звуковыя копіи предметовъ (такъ называемыя звукоподражательныя слова, междометія и т. д.); что же касается простыхъ копирующихъ жестовъ, нечего и говорить о томъ, что мы часто прибѣгаемъ къ ихъ услугамъ, когда, напримѣръ, во время чтенія въ слухъ знаками требуемъ, чтобы намъ подали тотъ или другой предметъ, опустили шторы, затворили дверь и т. д.

Разъ возникнувъ, простыя подражательныя движенія должны были подвергнуться дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ въ силу того общаго принципа, по которому природа, экономная въ расходованіи своихъ силъ, ведетъ путемъ выживанія наилучше приспособленныхъ организмовъ къ созданію такихъ формъ жизни, при которыхъ максимумъ эффекта достигается при минимумѣ затраты силъ. На выполненіе простыхъ подражательныхъ движеній затрачивается много силы, а эффектъ, т.-е. выразительность ихъ далеко невелика, а потому отъ точно копирующихъ подражательныхъ движеній у современнаго человѣка осталось очень не многое; большинство же употребительныхъ и понынѣ движеній этого рода подверглось сокращеніямъ и упрощеніямъ.

Такъ, напримѣръ, истинная эмоція гнѣва выражается въ нахмуриваніи бровей, въ измѣненіяхъ окраски кожи, усиленномъ блескѣ глазъ, топаньи ногами, размахиваніи руками и въ цѣломъ рядѣ другихъ болѣе или менѣе безпорядочныхъ движеній. Точно копируя тѣ изъ этихъ движеній, которыя могутъ быть воспроизведены по произволу, можно вызвать у окружающихъ представленіе о гнѣвѣ даже и въ то время, когда истинной эмоціи нѣтъ въ наличной психической жизни ни у реагента, ни у лицъ,

воспринимающихъ движенія. Уже и эта примитивная копія сама по себѣ не полна,—въ ней не достаетъ всѣхъ движеній, не подчиняющихся усиліямъ воли; однако неполнота двигательной копіи, позволяя отличить изображеніе представленія объ эмоціи отъ истинной эмоціи, не нарушаетъ въ то же время выразительности движеній. Недостатокъ тождества между оригиналомъ и его копіей можетъ быть значительно увеличенъ безъ того, чтобы копія перестала такъ или иначе напоминать объ оригиналѣ. Отбрасывая постепенно менѣе характерныя движенія, можно наконецъ остановиться на одномъ или нѣсколькихъ движеніяхъ, воспроизведеніе которыхъ даетъ достаточное понятіе о подлежащемъ изображенію объектѣ.

Въ нашемъ примѣрѣ одного нахмуриванія бровей вполнѣ достаточно для внушенія окружающимъ представленія о гнѣвѣ.

То же самое относится, конечно, и къ движеніямъ, копирующимъ не только выраженія эмоцій, но и различныя дѣйствія и, наконецъ, предметы. Какъ на примѣры сокращенныхъ подражательныхъ движеній, можно указать, между прочимъ, на высокое поднятіе головы для выраженія понятія о гордости, на ея опусканіе въ знакъ уничиженія, смиренія, тогда какъ истинная гордость и истинное смиреніе выражаются въ цѣломъ рядѣ движеній, среди которыхъ положеніе головы является только наиболѣе характернымъ.

Къ этой же категоріи могутъ быть отнесены нѣкоторыя формы привѣтствій, копирующія отдѣльныя наиболѣе характерныя движенія подчиненія, содружества, радости и т. д. Движеніями этого типа современный человѣкъ пользуется чаще, чѣмъ простыми не сокращенными копіями, но гораздо охотнѣе онъ прибѣгаетъ къ движеніямъ, упрощеніе которыхъ пошло еще дальше.

Дальнѣйшее же упрощеніе состоитъ въ томъ, что и немногія характерныя движенія воспроизводятся не въ полномъ ихъ объемѣ, а въ видѣ зачатка движенія, въ видѣ слабаго на него намека.

Соотвѣтственно двумъ главнымъ способамъ упрощенія подражательныхъ движеній, можно говорить о двигательныхъ копіяхъ, во-первыхъ—сокращенныхъ въ числѣ движеній и, во-вторыхъ — сокращенныхъ не только въ числѣ, но и въ размахѣ движеній. Какъ на примѣръ движеній, сокращенныхъ въ числѣ и размахѣ, можно указать на движенія угрозы, когда помощью легкихъ колебаній приподнятаго указательнаго пальца мы намекаемъ на болѣе широкія движенія, имѣющія мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда

за грознымъ намѣреніемъ слѣдуетъ и самое фактическое воздѣйствіе.

Призывъ къ себѣ или приказъ удалиться, выраженные слабымъ кивкомъ головы или движеніемъ руки, презрительное фырканіе, плевокъ безъ слюны (междометіе «тьфу»!), знаки прощанія, ласки, понукательныя движенія губъ или рукъ и т. д.— представляютъ образцы употребительныхъ и понынѣ, сокращенныхъ въ числѣ и размахѣ копирующихъ движеній. Одно и то же движеніе въ однихъ случаяхъ мы совершаемъ въ бо́льшемъ, въ другихъ — въ меньшемъ объемѣ, въ зависимости между прочимъ и отъ того, употребляется ли данное движеніе только для выраженія опредѣленнаго понятія, или же къ понятію присоединяется въ большей или меньшей степени и соотвѣтствующая эмоція.

Можно принять какъ общее положеніе, что чѣмъ больше въ психической жизни субъекта преобладаютъ въ данный моментъ процессы идеаціи надъ эмотивными состояніями, тѣмъ совершеннѣе способы проэкціи ихъ во внѣшній міръ. То же самое можетъ быть отнесено и къ историческимъ судьбамъ развитія выразительныхъ движеній, и чѣмъ большее значеніе получали въ жизни человѣчества процессы идеаціи, тѣмъ болѣе совершенствовались способы передачи отдѣльныхъ фазъ этихъ процессовъ.

Путемъ сокращенныхъ въ числѣ и размахѣ копирующихъ движеній обезпечивалось изображеніе чувствованій, дѣйствій и конкретныхъ предметовъ: но отношенія, существующія между предметами или явленіями, взаимоотношенія понятій, т.-е. чисто-логическія операціи, не имѣютъ конкретныхъ формъ, которыя могли бы быть скопированы, а потому въ движеніяхъ они могутъ выражаться не иначе, какъ путемъ придачи этимъ послѣднимъ вполнѣ условнаго, символическаго значенія. Вмѣсто копій для изображенія отвлеченныхъ понятій должны были явиться символы.

Нѣкоторая условность и символичность не чужда и сокращеннымъ подражательнымъ движеніямъ, при которыхъ зачатокъ движенія, намекъ на него имѣетъ значеніе полнаго изображенія; да и двигательное изображеніе копируетъ обыкновенно не предметъ, какъ онъ есть, а тѣ или другія его свойства (форму чаще всего), причемъ изображеніе отдѣльныхъ сторонъ или свойствъ предмета получаетъ значеніе изображенія самого предмета.

Но сходство между конкретнымъ предметомъ и двигательной его копіей близко и болѣе или менѣе очевидно; для выраже-

нія же абстракцій приходилось копировать тѣ или другія явленія, или форму тѣхъ или другихъ предметовъ, имѣющихъ тѣсную связь съ подлежащими обозначенію абстракціями и настолько для нихъ характерныхъ, что напоминаніе о конкретныхъ предметахъ въ отдѣльности или въ томъ или другомъ ихъ сочетаніи вызываетъ въ умѣ окружающихъ возникновеніе соотвѣтствующаго представленія.

Сходство между понятіями и изобразительными для нихъ движеніями, постепенно уменьшаясь, начинаетъ, наконецъ, основываться на столь отдаленныхъ аналогіяхъ, что далеко не всегда оно можетъ быть уловлено. Не очень трудно сказать, почему, напримѣръ, кольцо, составленное изъ большаго и указательнаго пальцевъ и приложенное ко лбу, означаетъ на языкѣ глухонѣмыхъ понятіе о глупости и ничтожествѣ; понятна равнымъ образомъ и аналогія между вѣчностью и іероглифическимъ ея изображеніемъ въ видѣ круга; но чрезвычайно трудно найти что-нибудь общее между «показываніемъ носа», (равно какъ и соотвѣтствующимъ выраженіемъ—«остаться съ носомъ») и тѣмъ понятіемъ, которое связано съ этими символами. Примѣромъ употребительныхъ и понынѣ символическихъ изображеній отвлеченныхъ понятій въ жестахъ можетъ служить вышеупомянутое «показываніе носа», движеніе «кукиша» неблаговоспитанныхъ людей и т. д. Но высшаго своего развитія процессъ символизаціи достигаетъ въ изображеніи понятій въ звуковыхъ символахъ, т.-е. въ словахъ.

Здѣсь необходимо замѣтить, что въ то время какъ простыя и сокращенныя двигательныя копіи при близкомъ ихъ сходствѣ съ оригиналами узнаются легко и сразу всевозможными человѣческими группами, символическія движенія теряютъ въ значительной мѣрѣ въ своей общепонятности, аналогія между двигательнымъ образомъ и его оригиналомъ отыскивается не сразу, или совсѣмъ остается не узнанною, и условныя выразительныя движенія въ ихъ высшемъ развитіи становятся понятными для той только группы людей, которая непосредственно или чрезъ своихъ предковъ участвовала въ совмѣстной разработкѣ этихъ движеній. Другія группы людей отыскивали другія аналогіи и въ силу этого для однихъ и тѣхъ же понятій вырабатывали иныя выразительныя движенія, непонятныя для лицъ, не посвященныхъ въ тайну ихъ значенія.

IV.

Въ исторіи развитія выразительныхъ для интеллекта движеній можно теперь отмѣтить слѣдующіе главнѣйшіе моменты: 1) появленіе простыхъ, болѣе или менѣе полныхъ двигательныхъ копій предметовъ и явленій; 2) сокращеніе двигательныхъ копій какъ въ числѣ движеній, такъ и въ широтѣ ихъ размаха, и, наконецъ, 3) появленіе двигательныхъ образовъ чисто-условнаго символическаго значенія, образовъ, развившихся путемъ сокращеннаго и упрощеннаго копированія тѣхъ или другихъ характерныхъ свойствъ, или дѣйствій, въ которыхъ содержимое подлежащаго обозначенію понятія проявляется чаще всего и по которымъ оно можетъ быть узнано и отличено отъ другихъ понятій.

Можно представить нѣсколько соображеній, говорящихъ въ пользу того, что отмѣченные мною этапные пункты дѣйствительно существуютъ и имѣли мѣсто въ исторіи развитія выразительныхъ для интеллекта движеній. Но однимъ изъ важнѣйшихъ въ ихъ пользу аргументовъ является возможность прослѣдить эти стадіи во всѣхъ видахъ выразительныхъ движеній всѣхъ двигательныхъ органовъ, а потому намъ необходимо коснуться замалчиваемаго до сихъ поръ вопроса о различныхъ видахъ выразительныхъ движеній отдѣльныхъ двигательныхъ органовъ.

Истинныя эмоціи проэцируются во внѣшній міръ помощью всѣхъ двигательныхъ органовъ безъ исключенія, а потому и простыя копіи, помощью которыхъ даются примитивныя представленія объ эмоціяхъ, могутъ изображаться въ движеніяхъ всѣхъ подчиненныхъ волѣ органовъ.

И дѣйствительно, въ играхъ животныхъ мы видимъ проэкціи представленій объ эмоціяхъ съ помощью движеній всего туловища, головы, конечностей, хвоста, голосового аппарата — безъ особыхъ преимуществъ въ пользу того или другого органа. При двигательной проэкціи представленій о дѣйствіяхъ (а у человѣка и предметовъ) бо́льшее значеніе получаютъ движенія конечностей, какъ органовъ, спеціально приспособленныхъ для активной дѣятельности. Въ дальнѣйшемъ развитіи, съ накопленіемъ бо́льшаго запаса сложныхъ представленій и понятій, съ развитіемъ потребности проэцированія ихъ въ символическихъ движеніяхъ, преобладающее значеніе получаетъ органъ рѣчи.

Голосовой аппаратъ оказался наиболѣе гибкимъ, богатымъ по разнообразію воспроизводимыхъ имъ движеній и особенно удобнымъ еще и въ томъ отношеніи, что его движенія воспринимаются слухомъ — органомъ, весьма хорошо приспособленнымъ къ точной оцѣнкѣ падающихъ на него раздраженій и вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной мѣрѣ освобожденнымъ отъ лежавшихъ на немъ прежде обязанностей сторожевой службы.

Но, воспользовавшись для выраженія своихъ мыслей, главнымъ образомъ, органомъ рѣчи, современный человѣкъ не отказался, однако, вполнѣ отъ языка жестовъ и тѣлодвиженій, которыми онъ постоянно скрашиваетъ и дополняетъ свою рѣчь. Мускулатура лица, конечностей и самого туловища принимаетъ видное участіе во многихъ выразительныхъ движеніяхъ. Мускулатура лица, играя видную роль въ выраженіи чувствованій, при произвольныхъ движеніяхъ является преимущественной производительницей эмотивно подражательныхъ движеній (т.-е. подражательныхъ движеній, въ которыхъ передаются представленія объ эмоціяхъ); движенія лицевыхъ мышцъ подходятъ большею частью подъ типъ сокращенныхъ въ числѣ и размахѣ и называются обыкновенно на разговорномъ языкѣ «мимикой лица» и «гримасами».

Конечности и туловище производятъ множество движеній съ характеромъ сокращенныхъ въ числѣ и размахѣ двигательныхъ копій, служащихъ большею частью для выраженія представленій о дѣйствіяхъ и предметахъ; для выраженія же абстракцій они употребительны въ видѣ символическихъ движеній у глухонѣмыхъ, но у нормальныхъ людей, вытѣсненныя словомъ, они встрѣчаются въ повседневной жизни не часто. Но, освобожденныя отъ обязательнаго участія въ обыденныхъ сношеніяхъ людей между собою, движенія конечностей и туловища становятся символическими и достигаютъ высшей своей выразительности (и наибольшей условности), отлившись въ пластическія искусства — въ танцы, пантомиму и балетъ (соединеніе пантомимы и танцевъ).

Голосовой аппаратъ, какъ наиболѣе гибкій и богатый, оказался въ состояніи и служить нуждамъ повседневныхъ сношеній людей между собой, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ полученіемъ опредѣленнаго ритма и каданса, удовлетворять эстетическимъ потребностямъ, достигая наивысшей символизаціи въ художественной рѣчи и пѣніи. Но на высшихъ ступеняхъ своего развитія

человѣкъ не остановился на разработанныхъ имъ естественныхъ способахъ передачи своихъ мыслей; скоро онъ призвалъ на помощь бездушную матерію и приспособилъ ее такъ, чтобы она помогла ему фиксировать выразительныя движенія и дать имъ возможность перешагнуть за предѣлы, положенные имъ пространствомъ и временемъ: появились такъ сказать искусственныя выразительныя движенія, а именно — движенія письма, назначенныя для точной передачи мысли, и живопись и скульптура для художественнаго ея воспроизведенія.

Обращаясь теперь къ выразительнымъ движеніямъ туловища, лица и конечностей (къ тѣлодвиженіямъ и жестамъ), мы легко можемъ отмѣтить среди нихъ цѣлый рядъ движеній типа двигательныхъ копій, сокращенныхъ въ числѣ и размахѣ движеній. Выше было уже упомянуто о передающихъ представленія объ эмоціяхъ движеніяхъ грознаго нахмуриванія бровей, позъ гордости и смиренія, движеніяхъ угрозы и т. д. Тѣлодвиженія и жесты, въ которыхъ выражаются представленія о дѣйствіяхъ, также очень употребительны; къ нимъ мы охотно прибѣгаемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда почему-либо не можемъ или не хотимъ воспользоваться словомъ; по типу они относятся въ большинствѣ случаевъ также къ сокращеннымъ въ числѣ и размахѣ движеній двигательнымъ копіямъ. Одни изъ этихъ движеній, вслѣдствіе ихъ общей употребительности, отлились въ законченныя и разъ навсегда опредѣленныя формы, другія придумываются нами ex tempore, по мѣрѣ надобности, и тогда обладаютъ то бо́льшей, то меньшей степенью удобопонятности. Иногда, хотя и далеко не часто, во имя бо́льшей удобопонятности, мы прибѣгаемъ къ копирующимъ движеніямъ, болѣе полнымъ и болѣе близкимъ къ изображаемому ими объекту: такъ, напримѣръ, желая обозначить дѣйствіе разрѣзыванія ткани ножницами, мы дѣлаемъ изъ пальцевъ руки подобіе рѣжущихъ концовъ ножницъ и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно точно воспроизводимъ ихъ движенія. Равнымъ образомъ вмѣсто сокращенныхъ двигательныхъ копій мы прибѣгаемъ къ болѣе полнымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда преобладающій интересъ лежитъ не столько въ томъ, что́ мы хотимъ выразить, сколько въ самыхъ способахъ выраженія. Такъ, очень церемонные, или, обратно, шутливые и насмѣшливые поклоны и привѣтствія приближаются къ движеніямъ подчиненія и содружества въ гораздо большей

степени, чѣмъ это имѣетъ мѣсто при обычныхъ поклонахъ; короткія, грозящія движенія пальцевъ мы иногда замѣняемъ болѣе полными движеніями, весьма близко напоминающими движенія сѣченія, тасканія за волоса и т. д. Словомъ, хотя не часто, мы все-таки прибѣгаемъ къ такого рода выразительнымъ тѣлодвиженіямъ и жестамъ, въ которыхъ очень легко съ перваго же взгляда признать болѣе или менѣе полныя двигательныя копіи чувствованій, дѣйствій или предметовъ. Можно, наконецъ, между тѣлодвиженіями и жестами отмѣтить и подходящія подъ высшій типъ выразительныхъ движеній, т.-е. подъ символическія движенія. Въ обыденной жизни они мало употребительны (кукишъ, носъ и т. д.); зато у глухонѣмыхъ языкъ жестовъ получаетъ широкое развитіе, и движенія конечностей и туловища пріобрѣтаютъ значеніе символическихъ изобразителей самыхъ сложныхъ абстракцій, причемъ условность такихъ изображеній такъ велика, что нормальный человѣкъ далеко не всегда можетъ понимать глухонѣмыхъ, когда тѣ говорятъ между собою. У здоровыхъ людей выразительныя движенія туловища и конечностей получаютъ, какъ это уже было упомянуто, значеніе символическихъ изобразителей въ пантомимѣ и танцахъ; условность значенія этихъ движеній достигаетъ уже такой степени, что полное пониманіе ихъ значенія становится удѣломъ немногихъ лицъ, посвященныхъ во всѣ тайны хореографіи.

Переходя теперь къ выразительнымъ движеніямъ органа рѣчи, мы и въ нихъ можемъ отмѣтить существованіе все тѣхъ же трехъ типовъ. Непроизвольные крики животныхъ на ряду съ другими движеніями выразительны для эмоцій; будучи употребляемы по произволу, они являются уже выразителями представленій объ эмоціяхъ и въ такомъ видѣ часто встрѣчаются въ играхъ животныхъ. Рѣчь междометій и восклицаній вполнѣ соотвѣтствуетъ группѣ сокращенныхъ подражательныхъ движеній; слово получаетъ значеніе вполнѣ условныхъ символическихъ движеній, въ которыхъ сходство между подлежащимъ изображенію объектомъ и рисующими его движеніями (звуками въ данномъ случаѣ) такъ далеко, что не всегда можетъ быть прослѣжено и отмѣчено. Въ иныхъ случаяхъ связь между объектомъ и его изображеніемъ прослѣживается сравнительно легко, и во всѣхъ языкахъ можно найти цѣлый рядъ словъ, источникомъ происхожденія которыхъ является звуковое воспроизведеніе изобра-

жаемаго предмета, или тѣхъ или другихъ его качествъ, или дѣйствій, въ которыхъ этотъ предметъ чаще всего проявляется. Такъ, въ русскомъ «звонить», въ французскомъ «sonner», въ нѣмецкомъ «klingen» и т. д. не трудно видѣть копированіе издаваемыхъ тѣлами звуковъ. Въ низшихъ по развитію языкахъ преобладаютъ такія звукоподражательныя слова на-ряду съ междометіями и восклицаніями; въ высшихъ же языкахъ измѣненіе словъ пошло далѣе, и нерѣдко улавливается звуковое сходство явленій, болѣе отдаленно намекающихъ на изображаемый въ звукахъ предметъ. Тѣмъ не менѣе путемъ тщательныхъ филологическихъ изслѣдованій для большинства корней извѣстныхъ до сихъ поръ языковъ аналогія ихъ въ томъ или другомъ отношеніи съ изображаемыми ими понятіями можетъ быть доказана. Теперь мы обратимся къ письму. Этотъ искусственный видъ выразительныхъ движеній развился значительно позже другихъ. Благодаря существованію цѣлаго ряда народовъ, переживающихъ различныя стадіи развитія письменности, благодаря сохранившимся до сихъ поръ письменамъ народовъ, давно уже отжившихъ, эволюція этого способа выраженія мыслей изучена сравнительно хорошо. Несмотря на то, что письмо всецѣло составляетъ продуктъ сознательнаго творчества человѣческаго духа, законы, опредѣляющіе его развитіе, общи съ законами развитія естественныхъ выразительныхъ движеній, и въ исторіи письменности можно отмѣтить переживаніе тѣхъ же стадій, какія были отмѣчены для прочихъ видовъ выразительныхъ движеній. Особенно важное для насъ значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что при разсмотрѣніи выразительныхъ тѣлодвиженій и жестовъ, равно какъ и при изученіи рѣчи мы видимъ только сосуществованіе трехъ типовъ, т.-е. простого копированія, упрощенныхъ копій и символическихъ обозначеній; исторія же развитія письменности даетъ намъ прямыя доказательства развитія выразительныхъ для интеллекта движеній въ той именно послѣдовательности, которая была отмѣчена выше. Въ самомъ дѣлѣ, сначала мы видимъ попытки увѣковѣчить поразившіе человѣка предметы и явленія путемъ точнаго копированія ихъ формъ, т.-е. путемъ рисованія. Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ начало письменности въ стадіи, соотвѣтствующей типу точно копирующихъ подражательныхъ движеній. Въ іероглифахъ и іероглифическомъ письмѣ письменность переживаетъ различныя стадіи сокращенія и упрощенія

выразительныхъ движеній (знаковъ — въ данномъ случаѣ). Наконецъ, совершается постепенный переходъ къ символическимъ обозначеніямъ. Въ письменности наиболѣе развитыхъ изъ современныхъ народовъ мы имѣемъ дѣло съ высшею символизаціей, удалившейся отъ своихъ первообразовъ до полной неузнаваемости, такъ какъ здѣсь въ символахъ изображаются уже не понятія, а отдѣльные звуки, составляющіе слова, въ которыхъ выражаются различныя понятія. Разсмотрѣніе процессовъ перехода отъ символизаціи словъ къ символизаціи отдѣльныхъ звуковъ не входитъ въ нашу задачу хотя бы потому одному, что эта стадія символизаціи представляетъ высшую степень развитія письменности и является отличительною ея особенностью, ея новымъ пріобрѣтеніемъ, не свойственнымъ другимъ видамъ выразительныхъ движеній.

Зато въ іероглифическомъ письмѣ многихъ народовъ, не додумавшихся до звукового письма, легко можно прослѣдить какъ переходъ отъ копирующихъ изображеній къ символическимъ, такъ и постепенное удаленіе сходства между изобразительнымъ знакомъ и тѣмъ понятіемъ, которое въ немъ изображается. У китайцевъ, напримѣръ, нѣтъ тѣсной связи между звуковымъ и письменнымъ изображеніемъ понятій, и письменное изображеніе идетъ по инымъ, хотя по существу и близкимъ путямъ, чѣмъ изображеніе въ звукахъ. И въ томъ, и другомъ случаѣ между понятіемъ и его изображеніемъ существуетъ извѣстная аналогія, извѣстное сходство, но нерѣдко письменные знаки улавливаютъ одну сторону сходства, тогда какъ соотвѣтствующіе тому же самому понятію звуковые образы построены на аналогіяхъ другого порядка. Но и развиваясь независимо отъ зувкового изображенія, письмо китайцевъ тѣмъ не менѣе представляетъ общій съ нимъ ходъ эволюціи.

Большинство коренныхъ словъ у китайцевъ имѣетъ своеобразную, имъ однимъ присущую транскрипцію. Въ начертаніи однихъ словъ можно еще видѣть нѣкоторое сходство съ формою изображаемыхъ ими предметовъ, другія же слова, преимущественно выражающія отвлеченныя понятія, передаются помощью группированія слегка упрощенныхъ знаковъ, принятыхъ для предметовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе отдаленную аналогію съ содержаніемъ опредѣляемаго понятія, или же съ тѣми предметами, въ которыхъ или среди которыхъ чаще всего содержится матеріалъ

для подлежащаго обозначенію понятія. Такъ, напримѣръ, письменный знакъ, означающій по отдаленному внѣшнему сходству женщину, будучи повторенъ, означаетъ ссору, взятый три раза—служитъ для изображенія понятія о мелочной злобѣ и интригѣ; солнце, а рядомъ съ нимъ мѣсяцъ—означаетъ блескъ и т. д.

Итакъ, установка трехъ главныхъ стадій эволюціи выразительныхъ для интеллекта движеній, т.-е. стадіи простого копированія, стадіи различныхъ сокращеній и упрощеній копіи и стадіи символическаго изображенія,— едва ли можетъ быть названа простымъ теоретическимъ построеніемъ. Однимъ изъ важныхъ аргументовъ въ пользу дѣйствительнаго существованія этихъ стадій является только-что показанная мною возможность отмѣтить существованіе ихъ во всѣхъ видахъ выразительныхъ движеній.

Но въ явленіяхъ повседневной жизни можно почерпнуть еще одинъ аргументъ большой важности, аргументъ, говорящій какъ за существованіе, такъ и за послѣдовательность стадій эволюціи выразительныхъ движеній какъ разъ въ принимаемомъ мною порядкѣ.

Эти доказательныя явленія я назвалъ бы явленіями «атавизма выразительныхъ движеній». Дѣло въ томъ, что современный человѣкъ, широко воспользовавшись для выраженія своихъ мыслей словомъ, не отказался окончательно отъ употребленія съ тою же цѣлью тѣлодвиженій и жестовъ. Употребительные во время рѣчи тѣлодвиженія и жесты часто бываютъ непроизвольны и соотвѣтствуютъ тѣмъ эмоціямъ, которыя вызываются у говорящаго самимъ предметомъ рѣчи; часть же ихъ совершается по произволу и тогда они служатъ для усиленія значенія слова, а иногда и для замѣны его. Самая легкость возникновенія жестовъ указываетъ на прежнюю ихъ общеупотребительность, и съ этой точки зрѣнія жестикуляція во время разговора, какъ наслѣдственно привычная, но не безъусловно необходимая, является отголоскомъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда ею одною передавались большинство мыслей и желаній, и въ настоящее время можетъ быть признана явленіемъ атавистическимъ. И это тѣмъ болѣе вѣрно, что представители высшихъ расъ жестикулируютъ въ общемъ меньше, чѣмъ представители менѣе культурныхъ народовъ; равнымъ образомъ количество жестовъ, а главное — широта ихъ размаховъ значительно разнятся и у представителей одной и

той же расы въ зависимости не отъ одного только темперамента, но и отъ образованія, а главнымъ образомъ — воспитанія субъекта. Воспитаніе является факторомъ, который нивеллируетъ на прашивающіеся въ силу наслѣдственной привычки широкіе жесты путемъ противопоставленія стремленію къ нимъ представленія о неприличіи размашистой жестикуляціи, а это послѣднее зиждется въ свою очередь на не ясно сознаваемыхъ представленіяхъ о безполезности работы всѣхъ членовъ, и бо̀льшемъ удобствѣ преимущественнаго пользованія органомъ рѣчи.

Но когда чувствованія овладѣваютъ нами, когда мы теряемъ часть лоска, наведеннаго на насъ многовѣковою дисциплиной, полузабытыя привычки сказываются рѣзче, и выразительныя движенія тѣла и конечностей прорываются въ большемъ числѣ и съ большей энергіей. Жестикуляція въ такихъ случаяхъ принимаетъ болѣе первобытный характеръ: условные по своему значенію жесты вытѣсняются подражательными; эти послѣдніе, допускаемые обыкновенно въ видѣ движеній, сокращенныхъ въ размахѣ, возстановляются до полныхъ движеній, изъ которыхъ они произошли; къ нимъ присоединяются другія побочныя движенія прежде подавляемыя, и въ то же время лучшій выразитель мыслей—рѣчь—разстраивается, теряетъ связность, необходимыя выраженія отыскиваются съ большимъ трудомъ или совсѣмъ не приходятъ на умъ. Такъ, напримѣръ, отрицательный кивокъ головою при рѣзко выраженныхъ эмотивныхъ состояніяхъ возстановляется до фактическаго отворачиванія лица отъ человѣка высказавшаго не симпатичное для насъ мнѣніе; съ присоединеніемъ отталкивающихъ движеній рукъ и отклоненія всего корпуса движенія распространяются до степени простой, не сокращенной ни въ числѣ, ни въ размахѣ движеній двигательной копіи. Подобнымъ же образомъ и утвердительный знакъ превращается въ истинныя движенія подчиненія, движенье презрѣнія превращается въ настоящій плевокъ и т. д. Вообще чѣмъ активнѣе наше отношеніе къ предмету рѣчи, чѣмъ выраженнѣе эмотивная окраска говорящаго, тѣмъ ближе выразительныя его движенія къ ихъ первоисточнику, тѣмъ больше, слѣдовательно, уклоняются они отъ вполнѣ условныхъ движеній въ сторону сокращенныхъ въ числѣ и размахѣ двигательныхъ копій, а въ исключительныхъ случаяхъ они доходятъ до степени примитивныхъ точно копирующихъ выразительныхъ движеній.

Но и во время эмоцій меньшей интенсивности рѣчь также не остается безъ измѣненій: помимо усиленія жестикуляціи, самыя выраженія становятся болѣе образными. Но образныя выраженія также до нѣкоторой степени атавистичны, такъ какъ они принадлежатъ къ числу такихъ изображеній, гдѣ связь между предметомъ и его изображеніемъ очевиднѣе, чѣмъ въ большинствѣ другихъ словъ: образныя выраженія непосредственно рисуютъ предметъ въ звукахъ.

Въ заключеніе этой главы я позволю себѣ резюмировать все сказанное въ защиту устанавливаемыхъ мною стадій въ эволюціи выразительныхъ для интеллекта движеній.

Реальность ихъ существованія доказывается прежде всего общностью ихъ во всѣхъ видахъ выразительныхъ движеній и возможностью прослѣдить ихъ вездѣ, гдѣ остались хоть какіе нибудь памятники историческаго развитія выразительныхъ движеній. Такъ, въ рѣчи жестовъ у глухонѣмыхъ легче всего можно наблюдать процессы символизаціи жестовъ; въ рѣчи нормальныхъ людей, въ ихъ письменности особенно, можно видѣть явленія постепеннаго перехода къ символическимъ обозначеніямъ и явленія удаленія сходства между образомъ и выражаемымъ имъ понятіемъ. Наконецъ, ходъ исчезновенія однихъ движеній и возникновенія вмѣсто нихъ другихъ, низшихъ по типу, во время глубокихъ эмоцій, ясно говоритъ за возникновеніе отдѣльныхъ фазъ въ развитіи выразительныхъ для интеллекта движеній именно въ указанномъ, а не въ какомъ-либо иномъ порядкѣ.

V.

Бросивъ теперь общій взглядъ на ходъ развитія выразительныхъ движеній, не трудно будетъ представить и генетическую ихъ классификацію, главнѣйшія основанія и терминологія которой отчасти уже намѣчены въ предшествующемъ изложеніи.

До тѣхъ поръ, пока чувствующая сфера не дифференцировалась въ спеціальныя чувствованія, нѣтъ, конечно, и особой группы выразительныхъ движеній. Движенія же существъ съ болѣе высокой организиціей можно раздѣлить, во-первыхъ, на чисто служебныя, удовлетворяющія нуждамъ питанія, размноженія, передвиженія, обороны и т. д., и, во-вторыхъ, на движенія, сопровождающія чувствованія, связанныя съ ними настолько тѣсно,

что по наличности тѣхъ или другихъ изъ этихъ движеній мы заключаемъ о чувственномъ состояніи особи. Этого рода движенія могутъ быть названы спеціальными выразительными для чувствованій движеніями, хотя нѣкоторыя изъ нихъ даже и у человѣка несутъ до сихъ поръ служебныя обязанности обороны, удаленія отъ вредныхъ воздѣйствій. Выразительныя для чувствованій движенія возникаютъ непроизвольно всякій разъ, какъ у особи имѣется въ наличности соотвѣтствующее чувствованіе, а потому они могутъ быть также названы *непроизвольными* выразительными движеніями.

Съ развитіемъ соціальной жизни и съ обогащеніемъ интеллекта, а слѣдовательно и потребности въ проэкціи во внѣшній міръ его работы, возникаютъ выразительныя для интеллекта движенія; а такъ какъ они задерживаются или допускаются особью по ея личному желанію, къ нимъ можетъ быть примѣнено также названіе *произвольныхъ* выразительныхъ движеній. Генезъ группы выразительныхъ для чувствованій движеній въ настоящее время не можетъ быть еще установленъ вполнѣ точно, соотвѣтственно чему не можетъ быть и точной генетической ихъ классификаціи. Мы уже видѣли, что движенія этого рода обусловлены прежде всего особенностями строенія нервной системы, дальнѣйшія же ихъ модификаціи зависятъ отъ вторженія вліянія другихъ факторовъ; одинъ изъ нихъ можетъ быть принятъ съ большой степенью достовѣрности: это—значеніе полезныхъ для особи движеній; очень возможно, что существуетъ еще цѣлый рядъ модифицирующихъ факторовъ, которые пока остаются для насъ въ видѣ x, y и т. д.

Вслѣдствіе этого въ группѣ непроизвольныхъ движеній мы можемъ только намѣтить подраздѣленіе на двѣ подгруппы: 1) *первичныя* или обусловленныя прямымъ вліяніемъ строенія нервной системы и 2) *вторичныя* или *модифицированныя*; послѣдняя подгруппа должна включать въ себѣ еще и дальнѣйшія подраздѣленія соотвѣтственно тѣмъ факторамъ, которые оказывали свое модифицирующее вліяніе; но пока мы знаемъ одно только такое подраздѣленіе: это — полезныя движенія, дальнѣйшія же для насъ являются въ видѣ x, y. Впрочемъ, отнесеніе каждаго даннаго движенія въ ту или другую подгруппу, а тѣмъ болѣе въ то или другое ея подраздѣленіе, встрѣчаетъ, за недостаточной разработкой вопроса, непреодолимыя препятствія.

Значительно меньше затрудненій встрѣтимъ мы при установкѣ группъ и при распредѣленіи по группамъ отдѣльныхъ частныхъ случаевъ, когда перейдемъ къ группировкѣ выразительныхъ для интеллекта движеній. Но между выразительными для чувствованій и выразительными для интеллекта движеніями необходимо установить еще одну переходную группу, къ которой относятся непроизвольныя выразительныя для чувствованій движенія, видоизмѣненныя усиліями воли.

Общественная жизнь очень рано создала іерархію, а вмѣстѣ съ нею и нужду въ подчиненіи и сокрытіи своихъ истинныхъ чувствованій, къ выставленію на видъ не существующихъ чувствъ и т. д. Между тѣмъ далеко не всѣ выразительныя для чувствованій движенія совершаются чрезъ органы, способные къ выполненію произвольныхъ движеній, да и подчиненные волѣ органы не всегда оказываются достаточно послушными ея орудіями: при наличности хоть сколько-нибудь живыхъ эмоцій воля не въ состояніи отмѣнить приказъ, посланный мышцамъ чувствованіями. Вслѣдствіе этого сложилось два способа сокрытія истинныхъ чувствованій: 1) способъ сокрытія отъ постороннихъ взоровъ тѣхъ частей тѣла (преимущественно лица, а на немъ глазъ), которыя наиболѣе рѣзко выдаютъ истинное состояніе субъекта; отсюда возникаютъ потупленіе взоровъ, отворачиваніе лица, закусываніе губъ и т. д; 2) второй способъ состоитъ въ попыткахъ симуляціи путемъ произвольнаго сокращенія такихъ мышцъ, которыя могли бы придать субъекту внѣшній видъ не того чувствованія, которое имѣется въ наличности, а которое желательно почему-либо въ данный моментъ изобразить. Сами по себѣ эти маскирующія движенія и въ первомъ и во второмъ случаѣ вызываются волей, руководящейся представленіемъ о необходимости произвести данныя движенія, а потому они относятся къ выразительнымъ для интеллекта движеніямъ. Но на ряду съ симулирующими движеніями остаются обыкновенно и соотвѣтствующія наличной эмоціи, причемъ особенно характерной является комбинація двухъ родовъ движеній или же игра мускулатуры,—игра, въ которой по очереди берутъ верхъ то непроизвольныя эмотивныя, то произвольныя симулирующія движенія. Вотъ эта-то игра, взятая въ цѣломъ, и производитъ своеобразное впечатлѣніе, дающее внимательному наблюдателю возможность отмѣтить и существованіе эмоціи, и стремленіе къ ея по-

давленію. Она выразительна сама по себѣ, и соотвѣтствующія ей сложныя движенія могутъ быть отнесены въ особую группу съ названіемъ сообразно ихъ происхожденію *полупроизвольныхъ*; по значенію же своему они могутъ быть названы *лицемѣрными* въ широкомъ смыслѣ этого слова. Соотвѣтственно способу сокрытія истинныхъ чувствъ они могутъ быть раачленены на a), *скрывающія*, т.-е. такія, которыя ведутъ къ сокрытію наиболѣе выдающихъ субъекта органовъ, и b) *симулирующія*, т.-е. движенія, которыми субъектъ пытается придать себѣ внѣшность, несоотвѣтствующую его истиннымъ чувствованіямъ.

Обращаясь къ выразительнымъ для интеллекта движеніямъ, мы можемъ установить для нихъ группировку, которая уже была въ общихъ чертахъ намѣчена въ предшествующихъ главахъ.

Прежде другихъ возникаютъ простыя *подражательныя* или копирующія движенія. Сообразно съ объектомъ подражанія, они могутъ быть раздѣлены на 1) *эмотивно-подражательныя*, т.-е. движенія, копирующія внѣшніе признаки эмоцій; 2) на *активно-подражательныя*, т.-е. копирующія тѣ или другія дѣйствія, и 3) на *предметно-подражательныя*, т.-е. копирующія внѣшнія формы предметовъ.

Всѣ три вида подражательныхъ движеній могутъ быть прежде всего *точно копирующими*, а потомъ *упрощенными* или *сокращенными* (т.-е. копирующими въ сокращенныхъ движеніяхъ), причемъ сообразно съ способами сокращенія можно различать *сокращенныя въ числѣ* и сокращенныя не только въ числѣ, *но и въ размахѣ движеній* двигательныя копіи.

Наконецъ, изъ подражательныхъ движеній путемъ воспроизведенія не самихъ подлежащихъ обозначенію предметовъ, а тѣхъ или другихъ ихъ свойствъ, сторонъ или качествъ постепенно развиваются такія выразительныя движенія, въ которыхъ сходство между оригиналомъ и его двигательной копіей удалено до неузнаваемости, такъ что въ копіи мы познаемъ оригиналъ не столько въ силу существованія этого сходства, сколько въ силу привычки къ такому условному пониманію; этого рода выразительныя движенія могутъ быть названы *условными* или *символическими*.

Въ заключеніе позволю себѣ предложить вниманію читателей небольшую схему, къ которой можетъ быть сведена предлагаемая мною классификація.

Схема классификаціи выразительныхъ движеній.

			Представители.
A. *Непроизвольныя*—выразительны для чувствованій.	I. *Первичныя* (обусловленныя строеніемъ нервной системы).		Всѣ выразит. для чувствованій движенія. (Распредѣленіе по группамъ не можетъ быть указано даже и приблизительно, вслѣдствіе малой разработки вопроса.)
	II. *Вторичныя* (модифицированныя).	1) *полезныя* 2) x 3) y и т. д.	
B. *Полупроизвольныя* — выразительны для борьбы невольной проэкціи эмоцій съ волевымъ стремленіемъ къ подавленію внѣшняго ихъ проявленія.	I. *Скрывающія*		Потупленіе взора, отворачиваніе лица, закусываніе губъ и т. д.
	II. *Симулирующія*.		Насильственная улыбка, натянутый смѣхъ и т. д.
C. *Произвольныя*—выразители интеллектуальной стороны душевной жизни.	I. *Подражательныя* a) эмотивно-подраж. b) активно-подраж. c) предмето-подраж.	1) *Точно копирующія* . .	Движ. игръ животныхъ, движ. точно воспроизводящія тѣ или другія дѣйствія (человѣкъ мало ими пользуется).
		2) *Сокращенныя въ числѣ.*	Грозное нахмуриваніе бровей, поднятіе и опусканіе головы въ знакъ гордости и смиренія и т. д. (встрѣчаются чаще у человѣка).
		3) *Сокращенныя въ числѣ и размахѣ.*	Движ. угровы, презрѣнія, утвержденія, отрицанія, понуканія. Звуки призыва, предостереженія животныхъ. Рѣчь междометій и восклицаній (употребл. часто).
	II. *Условныя (символическія)* — *естественныя*	a) *безусл. необход. (утилитарныя)*	Очень употр. рѣчь глухонѣмыхъ, нѣкоторые изъ жестовъ, обыкновенная рѣчь.
		b) *эстетическія.*	Танцы, пантомима, балетъ, пѣніе, ритмическая, художественная рѣчь.
	— *искусственныя*	a) *безусл. необход. (утилитарныя)*	Письмо.
		b) *эстетическія.*	Живопись, скульптура, музыка.